

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3 / 3 0 1 1 0 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В.Д. Пузанов— Русское государство и кочевники на юге Западной Сибири в первой половине XVII в..... 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Е.В. Сироткина— Граф Алоис Лекса фон Эренталь..... 32

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

В.В. Ишутин— Из истории идеи института президентства в России..... 49

ПУБЛИКАЦИИ

Дневники Н.Ф. Финдейзена и материалы «Русской музыкальной газеты» о первой мировой войне. Публикацию подготовила **М.Л. Космовская**..... 69

СООБЩЕНИЯ

Д.Н. Копелев— Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723—1724 гг..... 90

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

..... —	XVII .	108
..... -		191
..... — . . .		
..... 1762		131
..... —		
..... 50- —60- .XX		144
..... , . . . 1850-1917 —		
..... 1850-1917		151
..... —		
..... 1917—1920- . (. . . i).....		159
..... —		
..... «		
..... ».....		169

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Под редакцией П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М. Изд-во Ипполитова. 2014. 765 с.

(Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 4).

Рецензируемый сборник включает статьи участников заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»¹ (в том числе международных круглых столов «Крестьянство и власть в истории России XX века»², «Сталинизм и крестьянство» — 13, «Сталинизм и крестьянство» — 114) и материалы этих мероприятий⁵.

Позиции представителей общественных наук — как российских, так и зарубежных — далеки от консенсуса по всему комплексу рассматриваемых вопросов. Было бы чересчур смело утверждать даже о наличии двух-трех господствующих концепций, настолько велик разброс взглядов, хотя полярные позиции и можно выделить. Краткое резюме этих контрастных подходов содержится в сборнике в историографической статье Н.А. Серогодского (с. 193—203). Предложенный вниманию читателей жанр — сборник работ, опирающийся на материалы многосторонних дискуссий, проводившихся в рамках «круглых» столов, — наилучшим образом отвечает нынешнему уровню понимания проблемы научным сообществом. Круг участников этих дискуссий широк — в них вовлечены представители многих институтов РАН, десятков вузов, ряда архивов, различных общественных организаций. Широким это участие является и по географическому охвату — помимо российских ученых, мы видим среди авторов сборника представителей Украины, Беларуси и Великобритании. Составителям сборника удалось привлечь многих известных историков и представителей других общественных наук, что обеспечило широкий и в то же время содержательный анализ большой совокупности проблем, касающихся судеб российского крестьянства в XX веке.

Несмотря на значительно расширившуюся источниковедческую базу и отсутствие необходимости строго придерживаться неких официальных идеологических постулатов, изучение вопросов резких изменений судьбы российского крестьянства в прошлом веке стал-

живается с крайне неоднозначным, а подчас и весьма расплывчатым толкованием ряда исторических феноменов. Так, у авторов нет какой-либо однозначности в понимании категории «Сталинизм», вынесенной в заголовок сборника и являвшейся непосредственно заданным предметом дискуссии. Многие из них даже оставили эту важнейшую категорию без какого-либо определения, ограничившись лишь принятием ее как определенной хронологической рамки.

Сталинизм трактуется то как специфика политической практики самого Сталина и его окружения; то как политико-идеологическая направленность деятельности всей большевистской партии и советского государства, нашедшая в действиях Сталина наиболее концентрированное выражение; то как последовательное воплощение марксистской идеологической доктрины. Первый подход представлен в статье А.В. Чертищева: «Под сталинизмом следует, на наш взгляд, понимать теорию и практику управления всеми сферами жизни общества, основанных на тотальном насилии, тотальном упрощении и тотальной лжи» (с. 224). Однако другими участниками дискуссии определения даются подчас настолько расплывчатые, что специфика собственно сталинизма размывается. Такого рода определение присутствует у Д.И. Люкшина: «...Под сталинизмом в рамках заданной темы мы будем понимать систему мероприятий и их теоретико-концептуальное — в том числе идеологическое — обоснование по организации государственного контроля в аграрной сфере, претендовавшей со времен общинной революции на некоторую автономию» (с. 124). Иногда в определение сталинизма включаются одновременно как серьезные социально-экономические обоснования, так и довольно-таки произвольные допущения, как, например, у С.Ю. Разина: «Сталинизм, на мой взгляд, следует рассматривать как политику проведения форсированной модернизации, включающей в себя в качестве

двух взаимосвязанных элементов индустриализацию и коллективизацию, в условиях продолжающейся гражданской войны и начавшегося формирования союзной государственности» (с. 557). Вопрос о форсированной модернизации, несомненно, является одним из ключевых в историческом понимании природы сталинизма, но вряд ли его стоило смешивать с явно неточно сформулированным распространением гражданской войны на весь период 1920-х — 1930-х годов.

Одновременно в сборнике предпринимаются поиски глубинных исторических корней сталинизма. Их ищут и в традициях деспотизма, свойственных российской политической системе на протяжении столетий, и в патриархальном мире крестьянской общины как основе этого деспотизма, и в мировоззрении большевиков, и в насущных исторических задачах модернизации страны.

Сложность вопроса заключается в том, что каждый из этих подходов в той или иной мере приближается к истине, но, подвергаясь абсолютизации, отрывается от нее. Так, было бы нелепым отрицать влияние на политическую практику большевиков марксистских идей, пересаженных на российскую почву и соответствующим образом переосмысленных, в духе как имевшихся традиций общественного сознания, так и практических проблем, которые ставила перед правящей партией советская действительность. Но, превращая этот несомненный факт в утверждение, что марксистская доктрина не могла воплотиться в жизнь иначе как путем создания «агроулага», и что этот «агроулаг» есть непосредственная реализация марксистских идей, мы не приближаемся к истине, а отдаляемся от нее.

Более ясное понимание, которое может явиться основой для сопоставления научных концепций, а не просто мнений, требует выяснения взаимодействия и субординации тех объективных и субъективных факторов, из которых складывался феномен сталинизма; проведения сложной работы как по отделению друг от друга исторически объективного и субъективно привнесенного, так и по выяснению меры и степени взаимного влияния субъективных и объективных факторов в историческом процессе формировании сталинизма.

Одним из центральных полей дискуссии является выяснение вопроса о том, в какой мере архаические черты полупатриархальных общин русского крестьянства оказали влияние на формирование сталинизма; в какой степени эти черты были использованы Сталиным в политике давления на крестьянство, а в какой сами стали составной частью сталинской политики и нового образа жизни коллективизированного крестьянства. Известно, что архаичные крестьянские общины выступают в истории той социальной платформой, на которой вырастают различные формы деспотизма. В связи с этим несомненный интерес представляет собой обсуждение в статье В.В. Бабашкина (с. 38—48) концепции «аграрного деспотизма» М.Л. Левина, в которой сделан акцент на преемственности применявшихся в 20-е — 30-е гг. XX в. командно-бюрократических методов принуждения по отношению к крестьянству, унаследованных от царской России. Другие участники дискуссии так же нередко ссылались на разобщенность общин, на индивидуализм крестьянина, сочетавшийся с неприятием индивидуального успеха, на веру крестьян в государственный патернализм как основу воздвигавшейся над ними деспотической надстройки. Это хорошо показано в статье В.В. Зверева (с. 83—96).

При всей справедливости таких наблюдений сложно объяснить сталинский деспотизм только этим — ведь сталинская политика вела как раз к преобразованию общины и замене ее другими формами социальной организации, связанными с отходом от прежнего патриархального быта. Тем не менее, черты схожести с формами добуржуазного деспотизма обнаруживаются в конструкции сельского образа жизни, создаваемой коллективизацией — недаром участники дискуссии приводят крестьянскую расшифровку аббревиатуры ВКП(б): «второе крепостное право большевиков». Можно сослаться хотя бы на практически неоплачиваемую в массе колхозов работу в общественном хозяйстве (аналог барщины) в противоположность служившей долгое время главной экономической основой существования колхозной семьи работе на своем приусадебном участке (аналог надела крепостного крестьянина).

Подобные черты быта советских колхозников (плюс административно-правовое зак-

репление их за колхозом) дали основание В.А. Бондареву характеризовать колхозное крестьянство, во всяком случае, в сталинский период, как квазисословие (с. 49—57). В то же время колхозная система была вовсе не тождественна феодально-крепостническим порядкам, несмотря на просматривающиеся параллели. На это указывает Чертищев: «Термины “феодализм”, “барщина”, “община” вряд ли применимы к колхозной системе из-за большой социальной мобильности, текучести, возможности увильнуть от работы, уйти в город на стройки пятилетки» (с. 233).

Поэтому нельзя обойти стороной вопрос о том, что при всех издержках сталинской аграрной политики она имела на селе и сторонников. В.В. Кондрашин даже видит в российских крестьянах чуть ли не приверженцев коммунистической идеологии (как тут не вспомнить Бакунина или Ткачёва), правда, весьма своеобразно трактуемой: «И здесь, несомненно, влияние коммунистической идеологии, обосновавшей необходимость насилия над крестьянством, оправдавшей его жертвы “светлым будущим” ... При всей своей утопичности она оказалась ближе советскому крестьянству, по сравнению с рыночными идеалами П.А. Столыпина, поскольку совпадала с многовековыми общинными представлениями крестьян о социальной справедливости» (с. 102). В своем выступлении на «круглом столе» Кондрашин обратился к поиску уже гораздо более реалистичных корней поддержки коллективизации среди части крестьянства, ссылаясь на книгу японского историка Х. Окуды о социальной базе сталинизма: «По его мнению, разделяемому нами, в деревне и городе это была молодежь, воспитанная Советской властью, ориентированная на новую жизнь, образование, карьеру в рамках “нового курса”. Сама советская деревня была “молодой”. По переписи 1926 г. 60% ее населения составляли люди моложе 30 лет» (с. 278).

Более взвешенно оценки позиции крестьянства в период аграрных преобразований Советской власти резюмируются М.М. Кудюкиной: «К концу 20-х гг. крестьянство пришло расколотым, у Советской власти были как активные сторонники, так и убежденные противники, но большая часть крестьян продолжала относиться к власти как к силе, к которой не-

обходимо приспособляться. Именно их позиция predeterminedила в конечном итоге “победу” колхозного строя» (с. 347). Можно согласиться и с выводом А.В. Гордона: «Воплощал ли сталинизм особенности крестьянской психологии и крестьянского сознания или манипулировал ими? Мне кажется, что чаще стоял вопрос именно о манипуляции» (с. 633).

Одной из составляющих вопроса о роли архаических черт крестьянства в формировании сталинизма является и вопрос о том, была ли сталинская колхозная система полным разрушением традиционной общины или же ее трансформацией? И если ни один из этих вариантов не является однозначно верным, то в какой мере сочетались черты того и другого? Трудность ответа на этот вопрос коренится, в том числе, и в отмеченном выше факте — недостатке у участников дискуссии точно определенного понимания самого феномена сталинизма. Во многом в зависимости от его толкований находится и ответ на вопрос о судьбе общины, который и сам по себе таит немалые сложности: невозможно отрицать ни разрушения общинных порядков коллективизацией, ни использования большевистским руководством некоторых из них, ни воспроизведения ряда функций общинного самоуправления на иной — административно-командно-управленческой платформе.

Особую остроту столкновение полярных точек зрения приобретает, когда речь заходит об оценке исторической неизбежности преобразования русского крестьянского мира. Невозможно отрицать саму необходимость преобразования полупатриархального мелкокрестьянского производства в интенсивное высокотоварное. Однако на этом основании нельзя представлять сталинское решение крестьянского вопроса единственно возможным и находить в этом некое полуоправдание насильственным методам, повлекшим за собой значительные жертвы в ходе коллективизации и раскулачивания. В этом смысле характерна позиция П.П. Марченя, колеблющегося между названными постановками проблемы. Сначала он находит в сталинском решении аграрного вопроса черты крестьянской общинной утопии и заявляет, что замысел коллективизации был не вполне чужд российскому крестьянству (с. 600—602). Затем вполне право-

мерно задает риторический вопрос: «Что лучше: обличать “крестьяноборческую” антиутопию сталинского режима или воспевать сталинскую Россию как страну победившей крестьянской утопии (пусть и возглавила ее “антикрестьянская” власть)?» (с. 602). Сам он, похоже, склоняется к последнему варианту, подытоживая свое выступление в дискуссии еще одним вопросом: «Все аграрные историки... ну разве что только ленивый не попытается обыграть безумные, кошмарные цифры жертв сталинского режима. Но хоть кто-нибудь попробовал посчитать, каких жертв удалось избежать этой ценой?» (с. 630).

Вопрос этически сомнительный, однако исторически вполне правомерный. Вот только в качестве ответа напрашивается контрвопрос: «Кто доказал, что мы заплатили верную цену, что все эти жертвы были необходимы?». Вопреки распространенному мнению, я полагаю, что масштаб реальных жертв оказался несравненно выше, чем требовалось для осуществления реализованного замысла коллективизации деревни. Тут сказались как крайности бюрократизации системы управления, так и субъективные просчеты правящей верхушки, основанные на ее преувеличенном самомнении и пренебрежительном отношении к науке вообще и к марксистской теории в частности. Простое следование первоначальным расчетам пятилетнего плана и в отношении коллективизации, и в отношении темпов промышленного роста, привело бы к концу второй пятилетки практически к тем же результатам в создании крупного общественного хозяйства, что и были достигнуты, но без диких скачков, судорог административного произвола, массовых репрессий, огромных экономических потерь и т.п. Лишь горький опыт 1930—1933 гг. как в сельском хозяйстве, так и в промышленности заставил Сталина осторожнее относиться к объективным социально-экономическим закономерностям.

Фактическое признание всеми участниками дискуссии ключевой роли проблемы модернизации российского общества в понимании судьбы крестьянства не помешало неоднозначным трактовкам содержания советской модернизации. Некоторые авторы с большим сомнением рассматривали революционные процессы первой трети XX в. в СССР в каче-

стве «правильной» модернизации, указывая на наличие, с их точки зрения, контрмодернизационных тенденций. Так, Гордон замечает: «Модернизация, как переход от традиционного общества к модерности, включает разрыв с натуральным хозяйством и развитие товарно-денежных отношений, а соответственно обеспечение этих отношений утверждением права собственности. И здесь все обстояло ровно наоборот» (с. 60).

Совершенно иначе смотрит на оценку модернизационных процессов в Советской России А.В. Михайлюк, и здесь сказывается не просто разница в точках зрения, но различие в методологических подходах, а может быть, и в мировоззрении: «Основной причиной революции в России стал кризис модернизации, совпавший с системным кризисом всей западноевропейской цивилизации, проявлением которого стала первая мировая война. Революция, по словам Т. Шанина, впервые поставила под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества, доказала, что природа российского общества отличается от той, которую допускали разные теоретики и общественные деятели» (с. 148).

Объективная необходимость модернизации аграрной экономики периода нэпа обосновывается и в такой достаточно редкой еще для наших историков форме как компьютерное моделирование. По данным Л.И. Бородкина (с. 333 и далее), результаты этого моделирования показывают, что базой для форсированной индустриализации нэп служить не мог.

Не меньшие споры вызвала и дилемма «раскрестьянивание или окрестьянивание?» в оценке социальных последствий коллективизации. Не отрицая в целом факта постепенной трансформации или даже исчезновения крестьянства как социального слоя, некоторые авторы заострили внимание на противоположной тенденции — на закреплении черт общинного крестьянства в колхозах и переносе крестьянской ментальности в города. Говорилось даже, что происходила не столько «урбанизация», сколько «рурализация». Наиболее резко эту точку зрения выразил Михайлюк. Сначала он оговорился: «Модернизация всегда болезненна для крестьян. Рынок и капитализм “убивает” мелких землевладельцев

с их специфическим образом жизни и менталитетом» (с. 145). Однако затем ход его мысли пошел совсем в иную сторону: «Представляется, что коллективные формы производства, несмотря на принудительность их внедрения и связанные с этим эксцессы, выступали не как средство разрушения, а именно как средство защиты крестьянства от тех трудностей, которые приносит крестьянину рыночная действительность... При всех внешних и поверхностных изменениях “ядро” крестьянской культуры сохранилось» (с. 150—151). Более взвешенно к трактовке этого вопроса отнеслись участники первого круглого стола, которые пришли к выводу, что хотя крестьянская ментальность оказывала существенное влияние на социальную психологию первого поколения переселенцев из деревни в город, однако крестьянин в городе по образу жизни уже перестает быть крестьянином, а следующее поколение окончательно урбанизируется (с. 301-304).

Столкновением мнений характеризуется и выяснение вопроса о том, было ли «раскрестьянивание» сталинской эпохи, сопровождавшееся немалыми человеческими жертвами, чем-то из ряда вон выходящим, или здесь сказались общие закономерности исторического процесса, свойственные многим странам? Отсюда вытекает и вопрос о том, как оценивать судьбу социального слоя российского крестьянства в XX веке.

Наиболее категоричную оценку коллективизации и созданным ею аграрным порядкам дал на одном из «круглых столов» Люкшин, заявив: «В этой аудитории нет нужды доказывать, что голодовки возникали не сами по себе. Они были спланированы большевиками, ими проводились и — дали желаемые для государства результаты. С этой позиции, связанную большевиками “Великую деревенскую войну” можно признать выигранной, а миллионы трупов — допустимыми потерями» (с. 554). С таких позиций аграрные преобразования сталинского периода предстают как крестовый поход против собственного народа, одновременно иррациональный, вытекающий из идеологических догм, и цинично-прагматичный, основанный на желании любой ценой вытянуть из деревни ресурсы для индустриализации.

Такая позиция, разделяемая рядом других участников, находит в сборнике своих оппонентов. Так, Кондрашин, признавая трагичность судьбы российского крестьянства, смотрит на причины этой трагедии совершенно иначе: «Прежде всего, очевиден факт исторической неизбежности трагедии крестьянской страны, вставшей на путь индустриальной модернизации. Сталинский режим осуществил ее, но не был пионером в этом деле. Антикрестьянский характер аграрной политики, связанный с необходимостью индустриализации страны и коммерциализации сельского хозяйства, был характерен и в эпоху отмены крепостного права, и в пореформенный период, в том числе в годы столыпинской аграрной реформы» (с. 100). Далее Кондрашин ссылается на исторические прецеденты в других странах: британские огораживания, голодовки в Ирландии, трагедию крестьянства Вандеи и т.д. (с. 101—102). Его поддерживает В.Т. Логинов: «У нас очень многие любят противопоставлять то, “как у нас было плохо”, тому, как “на Западе все было хорошо”, потому что там происходил естественный, эволюционный процесс. Наверное, это от неосведомленности. У нас, к примеру, не было такого демократического документа, как “Билль о правах”, по которому обезземеленным крестьянам можно было отрезать уши, чтобы не шастали они по стране. В Ирландии в период раскрестьянивания разразился голод, от которого погибло около миллиона человек» (с. 328).

Ряд выступавших вообще не признавали постановки вопроса об исторической закономерности раскрестьянивания. Бондарев категорически заявил: «Когда сегодня некоторые историки говорят о том, что коллективизация была исторически оправдана, то мне кажется, что это страшно. В стране и так много сталинистов. Я, честно говоря, даже не понимаю, почему их так много» (с. 304). И далее он патетически восклицает: «Если мы не дадим однозначно отрицательный ответ на вопрос о том, нужна ли была коллективизация или не нужна, то деревню мы потеряем» (с. 306).

Один из авторов (Чертищев), резко отрицательно относящихся к практике сталинизма вообще и к его аграрной политике в час-

тности, контрастирует с большинством единомышленников, демонстрирующих единодушное «крестьянолюбие», вместе со сталинизмом обрушивая филиппики и на крестьянство, подытоживая: «...все это вряд ли дает основание считать крестьянство цивилизационным фундаментом России», и добавляет: «Крестьянство следует с полным основанием считать могильщиком Российской Империи» (с. 387).

При всей верности некоторых наблюдений автора, его тезисы несут на себе печать абсолютизации избранных сторон характеристики российского крестьянства, а потому и приводят к искажающим реальность выводам. Как будто для контраста с этой позицией некоторые крестьяноведы приходят чуть ли не к сакрализации предмета изучения, наделяя его всеми мыслимыми добродетелями, а сокращение численности и трансформацию крестьянства рассматривают как трагедию. Так, А.И. Шевельков с очевидной печалью констатирует: «Шел постоянный процесс сокращения сельского населения. В 1926 г. сельское население СССР составляло 82%, 1939 г. — 67%; 1959 г. - 52%, 1970 г. - 44%, 1979 г. - 38%, 1990 г. — 34%» (с. 588). Что же он скажет тогда о развитых странах, где фермерство (которое уже нельзя полностью отождествлять с крестьянством), составляет от 1 до 5% населения? Почему-то об этой «трагедии» многие плакальщики о судьбе российского крестьянина не вспоминают.

Закономерным представляется наличие в сборнике весьма странных (если не выразиться сильнее) суждений многих признанных специалистов относительно роли марксистской идеологии в сталинском решении аграрного вопроса. К счастью, марксизм давно уже утратил в нашей стране неприкосновенность, его можно и нужно критиковать. Правда, для этого его нужно хотя бы знать, чем многие авторы, взявшиеся рассуждать о роли марксизма, отнюдь не грешат. За марксизм они выдают в лучшем случае собственные фобии относительно прослушанных в студенческие годы курсов «научного коммунизма» и «истории КПСС», в худшем — полицейскую точку зрения на марксизм, сформулированную еще в XIX в., правда, интеллигентно интерпретированную.

Подобный подход формулирует Чертищев: «Мировоззренческие интенции марксистской теории импонировали деспотической природе Сталина, потому что он правильно понял его социальную сущность как просвещенного патернализма, закреплявшего право одних, “просветленных”, классов присваивать себе жизнь, счастье и мысли других, “непросветленных” классов» (с. 231). Ему вторит Гордон: «Нет, я не хочу сказать, что сталинизм во всех отношениях был марксизмом. Скажем, в национальном вопросе очень спорно, что сталинизм — и в начале, и особенно в конце — был марксистским подходом. А вот в аграрно-крестьянском вопросе — по моему, нормально. Это был марксизм эпохи реализации социалистического идеала, утопии, программы» (с. 633). Разумеется, марксизм смотрел на крестьянство как на исторически отмирающий социальный слой — и этот вывод историей не опровергнут. Но отсюда вовсе не вытекает, что в марксизме содержатся хоть какие-то намеки на «право» насильственного вмешательства в судьбы крестьянства.

Довольно странным опытом оказалось для меня столкновение с элементарным незнанием некоторыми крестьяноведами ряда основополагающих фактов по аграрной экономике (об идеологически ангажированных оценках я уже не говорю). Так, Люкшин пишет: «Результаты — выход Советского Союза на мировой рынок хлебов в качестве продавца — можно было бы признать блестящими, если бы не мелкие издержки в виде головокружения от успехов и сотен тысяч умерших от голода. Собственно вопрос, как нищую голодную страну, в которую превратил Россию Ленин, удалось в короткие сроки трансформировать в ведущего экспортера хлебов, в имплицитной форме уже содержит констатацию высокой эффективности аграрной политики Сталина, в сравнении с коллегами по партийному менеджменту» (с. 129). Здесь что ни слово — то открытие. О каком выходе «Советского Союза на мировой рынок хлебов» в результате сталинских преобразований может идти речь, если, начиная с 1930 г., хлебный экспорт СССР неуклонно сжимался, достигнув к середине 1930-х совершенно незначительных величин? И уж тем

более СССР не являлся «ведущим» экспортером хлеба.

Впрочем, хотелось бы оговориться, что огрехи в статьях и выступлениях некоторых авторов нисколько не умаляют огромной коллективной работы, которая была проделана по выяснению непростых вопросов нашей аграрной истории. Не умаляет это и достойных высокого признания трудов составителей сборника, предоставивших интересующимся проблематикой судьбы российского крестьянства в эпоху сталинизма обширный и ценный материал, как с точки зрения исторических фактов, так и с точки зрения их теоретических оценок.

А.И. КОЛГАНОВ

Примечания

1. Вместо введения: От организаторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и теорети-

ческого семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». В кн.: Сталинизм и крестьянство. М. 2014, с. 15-26.

2. Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации. Там же, с. 252—419 (в журнальной версии см.: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». -Власть. 2011, № 8, с. 161-171; № 9, с. 173-184}.
3. Коммунистическая Россия как мегаобщина. Там же, с. 535—614. См. также: Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола. В кн.: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2013. Вып. 8. М. 2013, с. 386—440.
4. Иосиф Сталин как крестьянский царь. В кн.: Сталинизм и крестьянство, с. 615—709.
5. Община и революция. В кн.: Сталинизм и крестьянство, с. 420—480; Крестьянство под колесами прогресса. Там же, с. 481-534.